

INTERNATIONAL RELATIONS - МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ОМАР АРДАШЕЛИЯ

Доктор исторических наук, профессор Сухумского Государственного Университета (Грузия)

ЛИБЕРАЛИЗМ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК В СВЕТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.14>

Введение. Вопросы мирового политического развития и формирования мирового порядка уже давно занимают умы теоретиков-международников и ученых, которые стремятся осмыслить и предугадать будущие параметры мироустройства. Переломные исторические моменты в истории США, как, впрочем, и в истории других стран, часто становились стимулом к активной и глубокой рефлексии в кругах интеллектуальной элиты. Определяющей чертой американской экспертной и исследовательской среды была ориентация на концептуализацию и моделирование процессов по строительству и организации мирового порядка. Утверждение лидерских позиций США в мировой политике и экономике в XX в. было сопряжено с выработкой идей глобального управления и формирования нового мирового порядка. В данном случае под порядком будем понимать структуру и принципы организации системы международных отношений.

Идеалы либерализма и демократии а также идеи исключительности и предопределенности судьбы, становятся неотъемлемым элементом общественного сознания. В мире, которая заключалась в вере в легитимность и легальность притязаний на доминирующие позиции в глобальном управлении политическими, экономическими и социальными процессами. Постепенно происходила синергия либеральных ценностей, идей предопределенности и лидерства, которые привели к воплощению либеральной идеологии во внешней политике через меры и действия по распространению либерально-демократического устройства по всему миру.

Ключевые слова: *Либерализм, Мировой порядок, Геополитика, Международная Система, Китай, Россия, Индия, Бразилия*

В международной системе, в которой доминируют Соединенные Штаты, неудивительно, что фактическое и потенциальное поведение важных государств второго уровня должно быть источником постоянного интереса. В этой статье рассматриваются некоторые способы, которыми Китай, Россия, Индия и Бразилия отреагировали как на гегемонию США, так и на меняющийся характер международного общества. В этой статье изложено некоторые из основных аналитических вопросов, которые возникают при размышлении о вариантах внешней политики этих стран, и некоторые из основных концептуальных и теоретических категорий, в рамках которых эти вопросы могут быть с пользой сформулированы. В первом разделе рассматриваются причины, по которым эти страны рассматриваются как группа. Во втором разделе дается краткий обзор двух наиболее распространенных теоретических точек зрения, с которых понимается системное давление на эти страны. Основное внимание уделяется вариантам внешней политики и пониманию этих вариантов, а не оценке ресурсов власти этих стран или их экономических траекторий.

Китай, Россия, Индия, Бразилия: общие факторы и отличительные черты. Почему стоит обратить внимание именно на эти страны? Одна из причин заключается в том, что все они, по-видимому, обладают целым рядом экономических, военных и политических ресурсов власти; некоторой способностью вно-

суть вклад в создание международного порядка на региональном или глобальном уровне; и некоторой степенью внутренней сплоченности и способности к эффективным государственным действиям. В частности, в случаях Китая и Индии повышенное внимание последовало за их высоким уровнем экономического роста и из прогнозов их будущего экономического развития и его возможных (хотя обычно недооцененных) геополитических и геоэкономических последствий. Подхватывая старую линию комментариев, аналитики в конце 1990-х годов также определили Бразилию как «стержневое государство» или один из «Большой десятки» развивающихся рынков, «стран, таких как Китай, Индия и Бразилия, которые приобретают достаточно власти, чтобы изменить облик мировой политики и экономики». Россия является исключением: реальность последних двух десятилетий здесь была упадком и растворением власти. Тем не менее, ее внешняя политика сосредоточена на попытках остановить этот упадок и стремлении восстановить региональное и глобальное влияние.

Вторая причина заключается в том, что все эти страны разделяют веру в свое право на более влиятельную роль в мировых делах. Конечно, одного стремления недостаточно, и трезвому реалисту легко высмеивать пустые претензии тех государств, чьи амбиции опережают их материальные возможности. И все же сила в международных отношениях требует цели и проекта, и культивирование такой цели может как стимулировать национальную поддержку и сплоченность внутри страны, так и служить ресурсом власти само по себе. Вспомните Неру или де Голля. Более того, стремление к признанию, в котором объединены эти четыре страны, является основополагающей частью политики иерархии. Вызовы легитимности международного порядка редко возникали из-за протестов слабых; они чаще исходили от тех государств или народов, которые обладали способностью и политической организацией, чтобы требовать пересмотра установленного порядка и его доминирующих норм способами, которые отражают их собственные интересы, проблемы и ценности.

Таким образом, центральной темой меж-

дународной истории двадцатого века была борьба ревизионистских государств за — равные права — включающая перераспределение территории, признание региональных сфер влияния и стремление к равенству статуса в рамках формальных и неформальных международных институтов. Как бы сильно ни изменились валюта власти или правила силовой политической игры, эта модель поведения остается важным элементом глобальной политики. Хотя вероятность военной конфронтации между крупными державами, возможно, уменьшилась, вопрос признания обострился из-за роста идеи о том, что международное сообщество должно стремиться к продвижению общих ценностей и целей, а не просто поддерживать сосуществование и помогать сводить конфликты к минимуму. Третья причина для рассмотрения этих четырех стран вместе вытекает из развития отношений между ними.

Последняя причина заключается в том, что эти четыре страны можно отличить от других государств второго уровня и средних держав. Джон Айкенберри убедительно утверждал, что одной из важнейших характеристик международной системы во второй половине двадцатого века было возникновение порядка, возглавляемого США, построенного вокруг институциональных и многосторонних структур, созданных после Второй мировой войны (ООН, международные финансовые институты) и чрезвычайно плотного набора трансатлантических и транстихоокеанских отношений и систем альянсов. Этот в основном либеральный «Большой Запад» представлял новое политическое образование, которое, хотя и было напряжено из-за появления США после Холодной войны как единственной сверхдержавы и находилось под угрозой из-за недавней политики США, продолжает оставаться очень важной чертой системы. Но здесь важно то, в какой степени Бразилия, Россия, Индия и Китай находятся либо вне, либо на периферии этого образования. В отличие от Японии, Южной Кореи, Канады, Австралии и основных европейских стран (как блока и по отдельности), они не тесно интегрированы в систему альянсов с Соединенными Штатами. В более широком смысле, все они историче-

ски поддерживали концепции международного порядка, которые бросали вызов концепциям либерального развитого Запада — от (по крайней мере, риторического) революционизма Советского Союза и Китая до жестко-ревизионистского третьего мира Индии после 1948 года и мягко-ревизионистского третьего мира Бразилии с начала 1970-х до конца 1980-х годов. Со времени Холодной войны все четыре из этих стран столкнулись не просто со степенью мощи США, но и с резкими изменениями в характере международного общества — экспоненциальным ростом числа международных институтов и сферы, диапазона и навязчивости международных правил и норм; возросший плюрализм глобального управления с растущей ролью НПО, сетей технических специалистов, а также частных и гибридных государственно-частных форм регулирования и упорядочения; консолидация идеи о том, что международное общество должно выйти за рамки простого сосуществования и вместо этого должно воплощать и отражать ряд согласованных на международном уровне основных принципов, таких как те, которые касаются прав человека и демократии, самоопределения, ограничений на использование. Однако, как мы увидим, на протяжении большей части периода с 1945 года его отношения с Вашингтоном не были особенно близкими. Это также исключение в культурном и историческом плане, хотя его внешняя политика долгое время характеризовалась напряженностью между теми, кто поддерживает «третий мир» и теми, кто выступает за более тесную интеграцию с индустриальным миром.

Эти переходы от традиционного плюралистического взгляда на международное общество к тому, что характеризуется большей солидарностью, несомненно, представляют собой существенный вызов для таких стран, как Бразилия, Россия, Индия и Китай. Они бросили вызов сильному, хотя и различному, предпочтению этих государств старым плюралистическим нормам суверенитета и невмешательства. Они взаимодействовали проблемными способами со сложными процессами экономической и политической либерализации, происходящими во всех этих государствах, и, что более важно, с ограничениями и спорным

характером этой либерализации. И они бросили вызов традиционным способам ведения внешней политики, отдавая предпочтение новым видам мягкой силы и вознаграждая новые виды дипломатии. Это еще один момент отличия от либеральных модернистских средних держав, таких как Канада или Австралия, чья внешняя политика была построена вокруг продвижения и эксплуатации этих самых изменений. Наконец, меняющиеся нормы международного общества оказали значительное влияние на характер клуба великих держав. Быть великой державой никогда не означало исключительно обладание большими объемами грубой материальной мощи. Это было тесно связано с понятиями легитимности и авторитета. Государство может претендовать на статус великой державы, но членство в клубе великих держав — это социальная категория, которая зависит от признания другими: вашими коллегами по клубу, но также и более мелкими и слабыми государствами, готовыми принять легитимность и авторитет тех, кто находится на вершине международной иерархии. Одна из трудностей, с которой сталкиваются потенциальные претенденты на клуб великих держав, заключается в том, что критерии членства могут быть против них — как обнаружила Япония в 1918-19 годах по вопросу расовой дискриминации. Или критерии могут измениться таким образом, что будут работать против их конкретных интересов. Например, на протяжении большей части Холодной войны обладание ядерным оружием широко рассматривалось как необходимое условие для места за главным столом; но за годы, прошедшие с момента его окончания, приобретение ядерного оружия стало рассматриваться как признак неприемлемого поведения и потенциального статуса государства-изгоя. Если, как утверждает Фут в своей статье, Китай намерен считаться «ответственной великой державой», то, как изменилось это понимание «ответственности», очень кстати. Конечно, между этими странами есть существенные различия — с точки зрения их мощи и геополитического значения; с точки зрения их экономического веса и степени интеграции в мировую экономику; с точки зрения их отличительных культурных и исторических

траекторий; и с точки зрения их внутренних политических систем. Тем не менее, рассмотрение их вместе дает один полезный способ открыть ряд вопросов о путях к власти, которые были или могут быть доступны для них, и об объясняющих факторах, которые могли бы пролить свет на эти различные пути.

Существуют два теоретических нарратива, которые постоянно повторяются в обсуждениях того, как международная система влияет на внешнюю политику Бразилии, России, Китая и Индии. Первый фокусируется на распределении власти и на моделях силовой политики, которые «неизбежно» возникают. Для неореалистов важнейшей чертой любой системы является распределение материальной власти, и, следовательно, доминирующей политической реальностью порядка после Холодной войны является преобладание Соединенных Штатов. Военная мощь и война имеют центральное значение для понимания того, как распределяется власть и что считается великой державой: «Великие державы определяются на основе их относительного военного потенциала. Чтобы считаться великой державой, государство должно иметь достаточные военные ресурсы, чтобы вести серьезную борьбу в тотальной войне с применением обычных вооружений против самого могущественного государства в мире».

С этой точки зрения загадкой периода после Холодной войны и, тем более, периода после 11 сентября было отсутствие открытого балансирующего поведения против Соединенных Штатов. Некоторые объясняют это просто как отражение подавляющей мощи Соединенных Штатов. Другие предполагают, что то, происходит ли балансирующее поведение или нет, отражает не только факт мощи США, но и то, как США используют эту мощь. Преобладание США будет стабильным в той степени, в которой Вашингтон будет играть на своих сильных сторонах мягкой силы и своей репутации не экспансионистских намерений.

Таким образом, США получают больше того, что хотят, если осознают масштабы и потенциал своей мягкой силы и будут действовать разумно, исходя из этого признания. Другие же утверждают, что стабильность зависит от идеи самоограничения и от готовности

США взаимодействовать с международными институтами как средство сигнализации этой стратегической сдержанности. Рациональный гегемон будет заниматься определенной степенью самоограничения и институционального самообязательства, чтобы подорвать восприятие угрозы другими.

Наиболее важными следствиями этого способа анализа являются, во-первых, то, что он рассматривает концентрацию власти как важный фактор внешней политики, а во-вторых, что он рассматривает варианты внешней политики, доступные государствам второго уровня, в бинарных терминах: балансирование против доминирующего государства, с одной стороны, или присоединение к нему, с другой. Хотя между оборонительной и наступательной версиями неореализма есть существенные различия, обе считают, что появление новых держав будет, естественно, создавать напряженность между властью и политикой.

Теория неореализма породила огромную и сложную литературу множеством подтеорий и конкурирующих диагнозов. Однако она ограничена в ряде важных способов. Во-первых, большая часть этой литературы написана с точки зрения Соединенных Штатов и неявно или явно озабочена стратегиями, которые США приняли или должны принять, чтобы сохранить свое выгодное положение в системе. Во-вторых, выбор внешней политики государств второго уровня достигается дедуктивным путем, независимо от того, соответствуют ли они особенно близко либо вариантам политики, которые фактически были приняты, либо пониманию этих выборов внутри самих государств второго уровня.

В-третьих, варианты недостаточно определены: В чем именно состоит «присоединение», и что определяет выбор среди самых различных форм, которые может принять «присоединение» к гегемону? Описывает ли присоединение модель поведения или сознательный выбор политики? различать жесткие и мягкие формы балансировки? Что насчет других вариантов, таких как «сокрытие» или «хеджирование»? Наконец, неореализм рассматривает систему только с точки зрения распределения власти. Системные силы дей-

ствительно имеют решающее значение; но, как ясно показывает анализ внешней политики рассматриваемых здесь стран, в системе гораздо больше, чем содержится в неореалистической теории, и это имеет значение не только для точного эмпирического анализа, но и для разработки успешной теории. Второй кластер теоретических подходов подчеркивает не непрерывность конфликта и политической конкуренции за власть, а скорее мощные изменения, происходящие как в международном, так и в глобальном обществе, особенно те, которые связаны с глобализацией. Центральное утверждение заключается в том, что новые виды системной логики собрали силу, которая опутает и поймает в ловушку даже самых могущественных. Развивается новый *raison de système*, который изменит и в конечном итоге вытеснит старомодные представления о *raison d'état*.

После окончания Холодной войны либеральные версии этих устоявшихся аргументов доминировали в этой области. Для либералов-институционалистов глобализация и все более плотные сети транснационального обмена и коммуникации создают растущий спрос на международные институты и новые формы управления. Институты необходимы для решения все более сложных дилемм коллективных действий, которые возникают в глобализованном мире. По мере того, как крупные государства расширяют круг своих интересов и более полно интегрируются в глобальную экономику и мировое общество, они будут естественным образом привлекаться функциональными преимуществами, которые предлагают институты, и подталкиваться к более кооперативным моделям поведения. Институты важны для того, чтобы объяснить, как возникают и распространяются новые нормы в международной системе, и как изменяются и развиваются государственные интересы. Институты могут играть важную роль в распространении норм и в моделях социализации и Гегемония, либерализм и глобальный порядок интернализации, посредством которых более слабые субъекты усваивают эти нормы. Институты могут быть местами, где государственные служащие подвергаются воздействию новых норм (как в окружающей сре-

де); они могут выступать в качестве каналов или проводников, через которые передаются нормы (как неолиберальные экономические идеи через МФИ); или они могут усиливать внутренние изменения, которые уже начали происходить (посредством государственных стратегий внешнего «запирания» или давления, оказываемого через транснациональное гражданское общество). Системные либералы основываются на многих из тех же основных идей, но развивают более широкий Кантовский образ постепенного, но прогрессивного распространения либеральных ценностей, как результат частично либеральной экономики и возросшей экономической взаимозависимости, частично либерального правового порядка, который должен поддерживать автономию глобального гражданского общества, а частично успешного примера, поданного многогранной либеральной капиталистической системой государств. Некоторые делают особый акцент на внутренней рациональности экономической либерализации: статистские экономические модели явно потерпели неудачу, рациональное поведение со стороны Бразилии, России, Индии и Китая приведет к растущему внешнеполитическому сближению для максимизации возможностей, представляемых экономической глобализацией. Другие предполагают, что не было иного выбора, кроме как принять внутреннее превосходство идей, которые завоевали мир. Другие подчеркивают роль третьей волны демократизации, сметавшей авторитарные националистические правительства и этатистско-националистические коалиции, которые часто их поддерживали. А третьи подчеркивают роль транснациональных движений, сетей поддержки и эпистемических сообществ в изменении понимания государственных интересов.

Для наблюдения за этими точками эти события могут быть изменены. Энергия власти, в частности, обесценивая жесткую, военную силу. Они также изменяют динамику и эффекты агрегации власти. Вместо этого рассматривать как угроза и ведущая к балансирующим последствиям, концентрации либеральной власти создатель либеральной версии подражания. Так же, как пример либерального ЕС создал мощные стимулы для подражания

и желать членства в большем масштабе и в течение более длительного периода подобных модель будет наблюдаться в случае либерального, развитого мира в целом. В любом случае, тренироваться либеральному порядку - значит рисковать быть отнесенным к режимам-изгоям и врагам экономической и политической свободы. Наконец, роль власти будет зависеть от того, какая версия либерализма господствует в основных государствах, особенно в США: оборонительные либералы, которые верят, что история на их стороне и что, как утверждал Кант, именно модель силы является наиболее важной и в конечном итоге. стать решающей; или наступательные либералы, которые верят, что исторически нужна ручная помощь и что процессы экономической и политической либерализации должны активно продвигаться посредством осуществления государственной власти, включая использование силы.

Китай, Россия, Индия, Бразилия: общие факторы и отличительные черты. Зачем рассматривать именно эти страны? Одна из причин заключается в том, что все они, по-видимому, обладают целым рядом экономических, военных и политических ресурсов власти; некоторой способностью вносить вклад в создание международного порядка на региональном или глобальном уровне; и некоторой степенью внутренней сплоченности и способности к эффективным государственным действиям.

Есть что-то интуитивно логичное в идее, что региональное преобладание должно представлять собой важный элемент любой претензии на статус крупной державы. Государство может позиционировать себя или может рассматриваться другими как представитель определенного региона, который, в свою очередь, может быть определен географически, лингвистически или в культурных или цивилизационных терминах. Это (оспариваемое) понятие представительности было важным элементом в дебатах по поводу постоянного членства Бразилии и Индии в Совете Безопасности. Государство может рассматривать регион как средство объединения власти и содействия региональной коалиции в поддержку своих внешних переговоров (как в случае с Бразилией и МЕРКОСУР перед лицом Зоны

свободной торговли Америки). Государство может стремиться играть активную и напористую роль в региональном управлении кризисами как для подкрепления своих собственных претензий на региональную власть, так и для обеспечения того, чтобы его нельзя было исключить из форм управления кризисами, которые предпринимаются внешними игроками (как в случае с Китаем и Северной Кореей). Наконец, государство может рассматриваться как крупная держава в той мере, в которой оно выполняет управленческую или производящую порядок роль в своем регионе. Это, в свою очередь, может стать важным элементом в его собственных отношениях с международными институтами или с Соединенными Штатами.

И все же случаи Бразилии, России, Индии и Китая выявляют сложность регионально-глобальной связи. Во всех четырех случаях внешняя политика в значительной степени формируется региональным контекстом — путем развития региональных балансов сил (особенно в Южной Азии и Восточной Азии); путем изменения моделей региональной небезопасности (особенно в форме новых категорий угроз); и все более плотными моделями социальной и экономической регионализации. Регионы также играют центральную роль в историческом самопонимании. И Россия, и Индия считают себя естественными лидерами закрытого региона, в котором внешнее вмешательство глубоко неприемлемо.

Во-первых, регион может быть источником слабости либо из-за неразрешенных региональных конфликтов (например, Тайвань или Кашмир), либо из-за региональной нестабильности и явной трудности сохранения влияния, как это чаще всего Гегемония, либерализм и глобальный порядок в случае с Россией. Необходимость сохранения региональной власти и предотвращения ее дальнейшего ослабления была центральной чертой российской внешней политики. И все же трудности и издержки этого были и остаются чрезвычайно высокими. Ее поражение в Чечне в 1994–1995 годах и ее последующая неспособность обеспечить стабильный контроль являются наиболее яркой иллюстрацией того, неспособность вооруженных сил России поддерживать

внутренний суверенитет. Кроме того, методы, которые Москва использовала для сохранения или восстановления своего влияния, привели к напряженности в других важных международных группировках, особенно в случае Европы. Лима и Херст отмечают, как Бразилия при администрации Лулы расширила спектр своих политических интересов в Южной Америке и была готова взять на себя более напористую политическую роль; но в отношении Андского региона она оказывается втянутой в зону, подверженную кризисам, не имея явно экономических или военных ресурсов, чтобы играть такую роль. В случае Индии региональные/глобальные балансы сил и источники небезопасности взаимодействовали особенно проблематично. Контраст с Соединенными Штатами поучителен. Много делается об уникальном положении Соединенных Штатов и о том, в какой степени, в отличие от всех других современных великих держав, они не сталкивались с геополитическими вызовами внутри своего региона и были способны предотвратить или, точнее, сдерживать влияние внерегиональных держав. Это, безусловно, верно (даже если подъем США к региональной гегемонии часто датируется слишком рано, а его масштабы преувеличиваются). Но другим важным региональным аспектом мощи США является способность избегать чрезмерно глубокого запутывания или вовлечения и, по большей части, избегать попадания в ловушку и отвлечения конфликтов низшего уровня на своем «заднем дворе». Они смогли принять регион как должное и в течение длительных периодов избегать региональной политики вообще (как, возможно, и было с 2001 года). Именно этот факт, возможно, противоречащий интуиции, дает Бразилии некоторую возможность развивать относительно автономную региональную роль. Во-вторых, попытки развивать глобальную роль могут легко вызвать враждебность или, по крайней мере, вызвать беспокойство у региональных соседей. Это было особенно очевидно в реакциях региональных государств второго уровня на попытку Индии и Бразилии получить постоянные места в Совете Безопасности ООН, а также на более напористую региональную политику Бразилии в Южной Аме-

рике в целом, особенно В-третьих, доминирующая сила в системе может воспользоваться возможностью использовать региональные конфликты в своих интересах и заняться офшорным балансированием именно так, как предсказывает неореалистическая теория. Похожая, но реже отмечаемая, логика применима к региональным соглашениям: Соединенные Штаты максимизируют свою мощь, продвигая формы регионализма, настолько слабо институционализированные, что они не связывают и не ограничивают США, но в то же время работают над подрывом или предотвращением появления других, более мелких региональных группировок, которые могли бы стать эффективными соперниками США. Эта модель была заметна в случаях как Азиатско-Тихоокеанского региона, так и Америки. Какова бы ни была их несомненная роль в качестве посредников общих интересов и пропагандистов общих ценностей, институты являются местами силы, и неравная сила играла постоянно важную роль как в их создании, так и в их функционировании. Так, например, «порядок» холодной войны и длительный мир 1945–1989 гг. были построены весьма традиционным образом вокруг попыток регулировать баланс сил между сверхдержавами (через соглашения о контроле над вооружениями, саммиты и механизмы управления кризисами) и посредством эксплуатации иерархии (через взаимное, хотя и молчаливое, признание сфер влияния и посредством создания олигархической системы нераспространения, призванной ограничить доступ новых держав к ядерному клубу). Более того, даже когда идея суверенного равенства набирала силу и международные институты так резко расширялись как по количеству, так и по масштабу, иерархия и неравенство оставались центральными как для их концепции, так и для их функционирования. Иногда «упорядочивающая» роль иерархии была формализована, как в особых правах и обязанностях постоянных членов Совета Безопасности ООН или структурах взвешенного голосования МВФ или Всемирного банка. Чаще всего это можно увидеть в мощных политических нормах, как в практике специальных группировок и контактных групп для решения конкретных кризисов безопасности,

или в роли G8 в попытках управлять не только глобальными экономическими проблемами, но и гораздо большим иным; или в том, как международное финансовое управление доминируется закрытыми группами сильных мира сего (как в Банке международных расчетов или Форуме финансовой стабильности). На этом фоне неудивительно, что стремящиеся к крупным державам должны уделять так много внимания игре в институционализированную иерархию. Отсюда мы видим озабоченность России Советом Безопасности и ее стремление участвовать в саммитах G8. Отсюда и то, что называется китайской «фиксацией» в ООН, и ее сопротивление любой реформе Совета Безопасности ООН, которая добавила бы новых постоянных членов. Бразилии за постоянное место в Совете сыграла бы центральную роль в решимости страны расширить отношения с Югом в целом, а также в отдельных политиках (как в случае с ее ведущей ролью в миссии ООН на Гаити или ее моделью голосования по правам человека).

Также неудивительно, что для Бразилии и Индии ядерное нераспространение должно было быть таким важным вопросом. Для Бразилии с конца 1960-х до конца 1980-х годов. Договор о нераспространении ядерного оружия был одним из самых ярких примеров того, что она назвала «замораживанием мировой мощи», — хотя она неуклонно двигалась в последующий период к сближению с Аргентиной и членству в основных режимах контроля над вооружениями, включая в 1998 год. В случае Индии режим нераспространения олицетворял препятствие, создаваемое иерархически организованным режимом для ее внешней политики. Он служил примером дискриминации между имущими и неимущими и представлял собой блок как для восходящей мобильности, так и для технологического прогресса. Но ядерный случай также иллюстрирует, как размер страны и ее геополитическое значение позволили успешно бросить вызов режиму. Хотя затраты были значительными (на региональном уровне и в плане отношений с Вашингтоном), Индия смогла получить неявное признание в качестве ядерной державы. Достигнув этой цели, она, конечно, стремится, чтобы ее считали «ответственной

ядерной державой» и имеет общую заинтересованность в блокировании дальнейшего распространения.

Тот факт, что эти четыре страны являются государствами второго уровня, также означает, что их политика в отношении международных институтов неизбежно имеет двойственное качество. С одной стороны, они могут быть вынуждены использовать институты для выполнения некоторых классических функций, связанных с властью, прежде всего, для подачи сигнала уверенности более слабым государствам, особенно в их регионах. Наиболее ярким примером этого является сдвиг в политике Китая в отношении региональных институтов безопасности и его желание использовать институты для обеспечения уверенности более слабым государствам, особенно в отношении его отношений с АСЕАН. С другой стороны, их сохраняющийся статус государств второго уровня, с которыми сталкиваются очень могущественные Соединенные Штаты, означает, что они разделяют интерес к институтам как к средству укрощения власти самых могущественных. Во-первых, институты могут сдерживать могущественных посредством установленных правил и процедур. Основная цель состоит в том, чтобы связать Гулливера как можно большим количеством способов, какими бы тонкими ни были отдельные институциональные нити. Поэтому неудивительно, что Бразилия и Индия должны быть четвертыми и пятыми по активности истцами в рамках механизма урегулирования споров ВТО. Также не особенно озадачивает то, что Бразилия, Китай и Индия должны хотеть использовать международные институты для сопротивления попыткам США продвигать новые нормы по применению силы или обусловленности суверенитета или права применять силу для содействия смене режима. Во-вторых, институты предоставляют более слабым государствам политическое пространство для создания новых коалиций, чтобы попытаться повлиять на возникающие нормы способами, которые соответствуют их интересам, и уравновесить или, по крайней мере, отклонить предпочтения и политику самых могущественных. Активистская коалиционная политика Бразилии и Индии в рамках ВТО,

является очень хорошим примером, особенно в плане коалиции G20, созданной в Канкуне в 2003 году. В-третьих, институты открывают «возможности для выражения мнения», которые позволяют относительно слабым государствам заявлять о своих интересах и претендовать на политическую поддержку на более широком рынке идей. На протяжении большей части 1990-х годов все эти страны занимали в целом оборонительные позиции в отношении либеральных норм, навязываемых индустриальным Западом: все четыре в отношении гуманитарной интервенции; Бразилия и Индия в отношении все более далеких идущих норм экономической либерализации, особенно в контексте ВТО. Нарликар уделяет особое внимание репутации Индии в плане обороноспособности и ее традиции как жесткого, негибкого и, по мнению некоторых, идеологического переговорщика. Баланс, достигнутый между подлинной интернализацией, прагматичным приспособлением и сопротивлением, менялся в зависимости от проблемы, страны и времени. Примечательно то, как эти страны стали более активными — например, используя язык демократии и представительности для продвижения реформы международных институтов; или используя язык экономического либерализма в качестве палки, которой можно атаковать протекционизм США и Европы. И Бразилия, и Индия мобилизовали требования большей представительской справедливости (как в случае с членством в Совете Безопасности или принятия решений в ВТО) и распределительной справедливости (как в случае продвижения Бразилией глобального фонда борьбы с голодом). Однако, гораздо менее ясно, насколько далеко продвинулась любая из этих стран в плане становления производителями идей, которые будут формировать концепции мирового порядка в будущем. Это важно по многим причинам, не в последнюю очередь потому, что, хотя государственная власть, несомненно, гегемонически структурирована вокруг США, сила идей, ценностей и культуры потенциально более открыта и оспариваема. Отношения с Соединенными Штатами: присоединение к лидеру или прагматичное приспособление? Как мы видели, некоторые аналитики полагают, что сама сте-

пень мощи США не только исключает эффективное противодействие, но и увеличивает стимулы к присоединению к Вашингтону. Как говорит Уолфорт: «Единственные варианты, доступные государствам второго уровня, — это присоединение к полярной державе (явно или неявно) или, по крайней мере, не предпринимать никаких действий, которые могли бы вызвать ее целенаправленную враждебность». Существует три мотива присоединения: во-первых, присоединяясь к доминирующему государству, более слабое государство надеется избежать проблем или отвлечь их в другом месте; во-вторых, государство присоединяется к доминирующему государству, чтобы разделить трофеи войны или других форм конфликта (например, обеспечение доступа к ближневосточной нефти на фоне поддержки политики США); и в-третьих, государство присоединяется к доминирующему государству, чтобы обеспечить другие политические или экономические преимущества (например, Россия торгует поддержкой в борьбе с терроризмом в обмен на сдержанную критику своей внутренней или региональной политики).

Логика присоединения к большинству сыграла важную роль в недавнем внешнеполитическом мышлении и практике США. Жесткий односторонний подход и акцент на угрозе и использовании военной мощи могут иметь смысл только при условии, что доминирующей реакцией более слабых государств и других субъектов будет прямое подчинение (шок и трепет) или желание вести переговоры. Но культивирование присоединения к большинству, особенно в отношении важных государств второго уровня, остается важным, поскольку неудачи жесткой, односторонней политики «мы можем сделать это в одиночку» становятся все более очевидными. По мере того, как мы вступаем в период гегемонистской декомпрессии, какие варианты доступны Вашингтону? Один (очень маловероятный) — это искреннее принятие либерального многостороннего подхода. Второй — это повторное взаимодействие с институтами, но в то же время попытка перестроить эти институты таким образом, чтобы они более точно отражали текущие интересы США. Третий — переориентировать внимание на давний элемент

внешней политики США, а именно на создание хаба

Безусловно, для Бразилии, России, Индии и Китая концентрация власти в Соединенных Штатах и вокруг них была центральной в формировании их взглядов на систему и доступные им варианты. Также верно, что эта концентрация создала сильные стимулы избегать сосредоточенной враждебности США и искать совпадения интересов, когда это возможно, — из-за заботы как о преимуществах, связанных с конкретными вопросами, так и о интересах, связанных с властью. И все же не ясно, можно ли их поведение в целом полезно охарактеризовать с точки зрения присоединения. С одной стороны, категория включает в себя ряд политик от четкого соответствия до прагматичного приспособления. С другой стороны, значимость присоединения как мотивации политики изменчива и меняется в зависимости от времени и проблемной области. Среди четырех рассматриваемых государств бразильская политика наиболее далека от такой политики. Верно, что поведение присоединения было характерной чертой американо-бразильских отношений в определенные периоды (особенно с 1942 по 1945 год и с 1964 по 1967 год). Но большую часть периода после 1945 года отношения не были особенно близкими и характеризовались как реальными столкновениями интересов (особенно по экономическим и торговым вопросам), глубокими и постоянными расхождениями в том, как две страны видят международную систему, и повторяющимся чувством взаимного разочарования. Последняя политика была направлена на благоразумное сосуществование, возможное сотрудничество и минимальное столкновение, но уклонялась от любого рода особых отношений. Существует поразительная параллель в общем характере американо-индийских и американо-бразильских отношений в период холодной войны, особенно с точки зрения роли взаимного непонимания. Краткое описание американо-индийских отношений, безусловно, можно применить к Бразилии: Соединенные Штаты и Индия за эти годы явно отдалились друг от друга не только из-за многочисленных заблуждений с обеих сторон, но и из-за фундаментальных

разногласий по поводу наилучшего способа мирной организации международной системы, природы Советского Союза, достоинств (или грехов) союзов и, прежде всего, степени, в которой Соединенные Штаты в глазах индийцев сопротивлялись становлению Индии как крупной державы.

Таким образом в данной статье нами было предложено различные причины для того, чтобы рассматривать Бразилию, Россию, Индию и Китай как группу. Необходимо подчеркнуть еще два сходства. Первое — это общее чувство неопределенности, особенно в отношении поведения Соединенных Штатов. Поэтому неудивительно, что хеджирование должно быть очень заметной характеристикой внешнеполитического поведения государств второго уровня. Вторая, и, возможно, более удивительная, характеристика — это общее чувство уязвимости. Размер может увеличивать возможности, и каждая из этих стран может иметь веру в свое «естественное» право на влиятельную международную роль. Но все они по-прежнему остро осознают свою уязвимость. Точный характер проблем варьируется от случая к случаю, как и баланс между уязвимостями, коренящимися соответственно в системе в целом, в непригодности регионов и районов, а также во сплоченности и государственном потенциале. С другой стороны они служат для того, чтобы подчеркнуть, что это крайне разрозненная группа государств. Россия — это держава, которая находилась в упадке по крайней мере последние 20 лет, и чья внешняя политика была сосредоточена на попытках остановить этот упадок. Далеко не ясно, удастся ли ей это. Китай находится в своей собственной лиге. Дело не только в том, что ее ресурсы власти и потенциал развития иного порядка; дело также в том, что ее мощь сочеталась с долгосрочным пониманием того, где она хотела бы быть, и что как государство она до сих пор поддерживало значительную степень силы и сплоченности. Она также продемонстрировала осознание того, в какой степени ее растущая мощь потенциально рассматривается как угроза другими. В обозримом будущем Индию и Бразилию, возможно, лучше всего рассматривать не как великие державы, а как все более активные

и влиятельные промежуточные государства. Бразилия и Индия находятся в другой категории по еще одной причине. С одной стороны, их можно рассматривать — и они хотели бы видеть себя — как потенциальные крупные державы, как в своих регионах, так и в более общем плане. Но с другой стороны, они более конкретно идентифицировали себя как развивающиеся страны и понимали свои внешнеполитические возможности через призму отношений Север-Юг. Это было постоянной темой в случае Индии; в случае Бразилии это было более двусмысленно, но явно на подъеме при нынешнем правительстве. Но является ли язык третьего мира и южной солидарности просто пережитком прошлого? Или это стратегия, основанная на интересах, которая отражает определенный набор условных интересов (как в вопросах торговли в рамках ВТО)? Или это отражает более глубокий набор убеж-

дений, интересов и обязательств? Если так, что произойдет, если эта «идентичность развивающейся страны» вступит в конфликт с «идентичностью стремящейся к великой державе»? В обоих случаях эта двойственность говорит о напряжении между стремлением к международному влиянию и сохраняющимся чувством уязвимости, а также о трудности защиты себя от все более навязчивого мира, который бросает вызов устоявшимся национальным способам действия и мышления. Это также говорит о спорных, и пока еще не завершенных, дебатах о том, насколько далеко эти страны должны зайти за либеральный, глобализованный порядок и каким может быть фактическое пространство для автономии перед лицом изменчивого характера мировой экономики, с одной стороны, и гегемонической мощи США, с другой.

Литература:

- [1]. Эмира Джафарова. Глобальные геополитические тенденции и современный характер мироустройства. THE CAUCASUS AND THE WORLD International Scientific Journal. Journal // Кавказ и Мир, международный научный журнал. // ISSN 1987 - 7293 E - ISSN 2720 - 832X. // DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.16> №27, Тб., 2021, №23, с.54-58
- [2]. Dominic Wilson and Roopa Purushothaman, *Dreaming with the BRICs: the path to 2050*, GlobalEconomics Paper no. 99 (New York: Goldman Sachs, Oct. 2003). See also Arvind Virmani, *Economic performance, power potential and global governance: towards a new international order*, working paper no. 150 (New Delhi: Indian Council for Research on International Economic Relations, Dec. 2004).
- [3]. Jeffrey E. Garten, *The Big Ten: the big emerging markets and how they will change our lives* (New York: Basic Books, 1997), p. xxv; Robert Chase, Emily Hill and Paul Kennedy, eds, *The pivotal states: a new framework for US policy in the developing world* (New York: Norton, 1999), esp. pp. 165–94.
- [4]. John J. Mearsheimer, *The tragedy of great power politics* (New York: Norton, 2001), p. 5. ch. 3. William C. Wohlforth, 'The stability of a unipolar world', *International Security* 24: 1, 1999, pp. 5–41.
- [5]. Joseph S. Nye, *Soft power: the means to success in world politics* (New York: Public Affairs, 2004).. See Josef Joffe, 'Gulliver unbound: can America rule the world?', the John Bonython Lecture, Sydney, 5 Aug. 2003.
- [6]. G. J. Ikenberry, 'American grand strategy in the age of terror', *Survival* 43: 4, Winter 2001/2, pp. 19–34.
- [7]. Stephen M. Walt, *The origins of alliances* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987), pp. 19–21.
- [8]. Mônica Hirst, *The United States and Brazil: the long road of unmet expectations* (New York: Routledge, 2005), pp. 73–108.
- [9]. Stephen P. Cohen, *India, emerging power* (Washington DC: Brookings Institution, 2001), pp. 287–98.

OMAR ARDASHELIYA**Doctor of Historical Sciences, Professor of Sukhumi State University (Georgia)****LIBERALISM AND WORLD ORDER IN LIGHT OF GEOPOLITICAL
PHILOSOPHY****Summary**

The issues of global political development and the formation of world order have long occupied the minds of international theorists and scientists who seek to understand and predict the future parameters of the world order. Turning points in the history of the United States, as well as in the history of other countries, often became a stimulus for active and deep reflection in the circles of the intellectual elite. The defining feature of the American expert and research environment was the focus on conceptualization and modeling of processes for the construction and organization of world order. The assertion of the US leadership in world politics and economics in the 20th century was associated with the development of ideas of global governance and the formation of a new world order. In this case, by order we will understand the structure and principles of organizing the system of international relations.

The ideals of liberalism and democracy, as well as the idea of exclusivity and predetermination of fate, are becoming an integral element of public consciousness. In a world that consisted of the belief in the legitimacy and legality of claims to dominant positions in the global governance of political, economic and social processes. Gradually, there was a synergy of liberal values, ideas of predetermination and leadership, which led to the embodiment of liberal ideology in foreign policy through measures and actions to spread the liberal democratic system throughout the world.

In an international system dominated by the United States, it is not surprising that the actual and potential behavior of important second-tier states should be a source of ongoing interest. This article examines some of the ways in which China, Russia, India, and Brazil have responded to both U.S. hegemony and the changing nature of international society. It outlines some of the main analytical questions that arise when thinking about the foreign policy options of these countries and some of the main conceptual and theoretical categories within which these questions can usefully be framed. The first section examines the reasons for considering these countries as a group. The second section briefly reviews the two most common theoretical perspectives through which the systemic pressures on these countries are understood. The focus is on foreign policy options and understanding these options, rather than on assessing these countries' power resources or their economic trajectories.

Thus, the central theme of twentieth-century international history has been the struggle of revisionist states for—equal rights—involving the redistribution of territory, the recognition of regional spheres of influence, and the pursuit of equality of status within formal and informal international institutions. No matter how much the currency of power or the rules of the power game have changed, this pattern of behavior remains an important element of global politics. Although the likelihood of military confrontation between major powers may have diminished, the issue of recognition has been exacerbated by the rise of the idea that the international community should seek to advance shared values and goals rather than simply support coexistence and help minimize conflict. A third reason for considering these four countries together arises from the development of relations among them.

China, Russia, India, Brazil: Common Factors and Distinctive Features. Why consider these countries in particular? One reason is that they all appear to possess a range of economic, military, and political power resources; some capacity to contribute to the construction of international order at the

regional or global level; and some degree of internal cohesion and capacity for effective state action. There is something intuitively logical in the idea that regional predominance should constitute an important element of any claim to major power status. A state may position itself, or be seen by others, as representative of a particular region, which in turn may be defined geographically, linguistically, or in cultural or civilizational terms. This (contested) notion of representativeness was an important element in the debate over the permanent membership of Brazil and India on the Security Council. A state may see a region as a means of pooling power and promoting a regional coalition in support of its external negotiations (as in the case of Brazil and Mercosur in the face of the Free Trade Area of the Americas). A state may seek to play an active and assertive role in regional crisis management both to buttress its own claims to regional authority and to ensure that it is not excluded from forms of crisis management undertaken by external actors (as in the case of China and North Korea). Finally, a state may be seen as a major power to the extent that it exercises a managerial or order-producing role in its region. This, in turn, may become an important element in its own relations with international institutions or with the United States. Yet the cases of Brazil, Russia, India, and China highlight the complexity of the regional-global nexus. In all four cases, foreign policy is significantly shaped by the regional context—through evolving regional balances of power (especially in South Asia and East Asia); through changing patterns of regional insecurity (especially in the form of new threat categories); and by increasingly dense patterns of social and economic regionalization. Regions also play a central role in historical self-understandings. Both Russia and India see themselves as natural leaders of a closed region in which outside interference is deeply unacceptable.

Thus, the foundations of liberalism in the international order were laid in the period after the Second World War with the formation of international financial structures. Globalist vectors of American foreign policy began to play an increasingly decisive role in the development of this system. At the same time, the applied measures of economic coercion were directed increasingly at globalist goals. The end of the Cold War and the emergence of a unipolar system led to the process of realizing the corresponding ideals of Hamiltonianism and Wilsonianism, namely the creation of a world based on liberal rules. Despite the difference in the presentation of liberalism in the international order between the realist and liberal paradigms, representatives of both schools agree that it has come to an end. Liberal theory explains the failure of liberalism in the international order by the imbalance due to the accelerated integration of states deviating from liberal norms into the liberal system. In turn, realist theory argues that revisionist states view the spread of liberal values as a threat to their existence. Accordingly, the international system has acquired a multipolar character as a result of the reactive impact of globalist intentions. Economic coercion became a frequently used tool in the Cold War policy of containment. The emergence of liberalism in the international order led to the increasing use of these measures by American administrations in the dissemination of globalist values. Today, their use is evident in the defense of Liberalism against confrontational states such as China and Russia. Wilsonian aspirations are deeply embedded in American foreign policy, and will be one of the determining factors in the world.